

ИЗГНАННИК

Михаил Юрьевич Лермонтов традиционно занимает в массовом сознании место «второго русского поэта» — по крайней мере, второго поэта XIX столетия. Собственно, литературное значение Некрасова, Фета, Баратынского, не говоря уж о Тютчеве, не ниже. Но, видимо, сама судьба Лермонтова столь волнующа, а та специфическая нота, которую он принес в поэзию, настолько заражает и захватывает (особенно в юности), что его образ зримо присутствует в сознании многих поколений, сопутствуя образу Пушкина, а иногда и соперничая с ним.

Жизнеописание романтического поэта тянет начать с древней легенды, и легенда под боком. Лермонтов вел свое происхождение от шотландского рода Лермонтов. Основатель рода участвовал в свержении Макбета, но самый знаменитый Лермонт — Томас по прозвищу Рифмач, легендарный бард XIII века, обладавший пророческим даром и, как говорят, бесследно исчезнувший — отправившийся в

волшебную страну эльфов. Неизвестно доподлинно, был ли Томас Рифмач прямым предком Лермонтова, но считается, что был. Потомком Томаса Рифмача считал себя Джордж Гордон Байрон, по женской линии происходивший из Лермонтов. Михаил Лермонтов легенду о Томасе Рифмаче, вероятно, не знал, не догадывался и о своем родстве с Байроном — поэтом, который в юные годы был для него образцом и идеалом («Нет, я не Байрон — я другой, еще неведомый изгнанник...»).

Одного из Лермонтов, Георга, судьба военного наемника привела в начале XVII века в Московию. Он женился, перешел в православие, его потомки русифицировали фамилию. В 1812 году, накануне наполеоновского нашествия поручик Юрий Петрович Лермонтов (1787–1831) женился на семнадцатилетней Марии Михайловне Арсеньевой, барышне состоятельной, чувствительной, нервной и с отягощенной наследственностью (ее отец в зрелых годах покончил с собой из-за несчастной любви). В феврале 1817 года она умерла от туберкулеза (хотя, опять-таки, ходили слухи о самоубийстве). После этого Юрий Лермонтов передал сына на воспитание своей теще, Елизавете Алексеевне Арсеньевой, урожденной Столыпной, женщине еще в цветущих летах, энергичной и властной. Сам он общался с сыном лишь периодически — например, ездил с ним в 1825 году на Кавказские ми-

неральные воды; эта поездка оказала огромное влияние на личность и творчество Михаила Лермонтова.

Мальчик рос в имении Тарханы, на Средней Волге, под Пензой, рос болезненным и впечатлительным, много читал. Бабушка выписала ему личного врача из Франции, тратила большие деньги на обучение языкам (в отличие от Пушкина, Лермонтов с детства отлично владел не только французским, но и английским и немецким). В 1828 году бабушка привезла мальчика в Москву, и он поступил в Благородный пансион при Московском университете. Одновременно ему давали домашние уроки словесности профессор и поэт А. Ф. Мерзляков и С. Е. Раич — знаменитый литературный наставник, среди учеников которого был и Тютчев. В 1830 году, не закончив курса пансиона, Лермонтов поступил собственно в университет, но два года спустя вынужден был оттуда уйти из-за конфликта с профессором П. В. Победоносцевым, отцом знаменитого обер-прокурора Синода. В Петербургском университете ему отказались зачесть два года обучения и предложили поступать на первый курс. Тогда Лермонтов круто меняет свою судьбу — поступает в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалеристских юнкеров. В 1834 году он был выпущен в чине корнета и определен в Лейб-гвардии гусарский полк.

К моменту исключения из университета за плечами у Лермонтова было более 300 неопубликованных

стихотворений. Посмертная репутация Лермонтова привела к некоторому завышению их достоинств. При всей талантливости юного автора и очень рано освоенной поэтической технике в этих юношеских стихах больше от эпохи, чем от лермонтовского гения. В стихах поэтов пушкинской плеяды, даже не самых крупных, дебютировавших в начале и середине 1820-х, были гармония и свежесть. Но приемы быстро автоматизировались, язык закостеневал, да и вкусы читателей менялись (в том числе по социологическим причинам). Чтобы оживить стих, многие даровитые поэты 1830-х годов (повлиявший на Лермонтова Александр Полежаев, Андрей Подолинский, моднейший в свое время Владимир Бенедиктов и множество стихотворцев поменьше рангом) утрировали свои чувства, злоупотребляли поверхностными красотами. Сказались эти тенденции и в ранних, подражательных стихах Лермонтова. Идеал отверженной миром и презирающей его байронической личности носился в воздухе, ему хотелось соответствовать — и он стал объектом имитаций. К тому же Лермонтов был очень молод, а юности всегда свойственна самомелодраматизация. Потому неудивительно, скажем, что одно из обращений шестнадцатилетнего поэта к Н. Ф. И. (Наталья Федоровна Иванова — девушка, которой он был увлечен) заканчивается так:

Тебя раскаянье кольнет,
Когда с насмешкой проклянет
Ничтожный мир мое названье!
И побоишься защитить,
Чтобы в преступном состраданье
Вновь обвиняемой не быть!

Другое дело, что судьба Лермонтова и пафос его зрелой поэзии наполняют и эти юношеские строки смыслом и дыханием. Но сами по себе они были общим местом.

Однако среди юношеских опытов Лермонтова есть несколько стихотворений, ставших классическими. Прежде всего это «Ангел». Как ни удивительно, Лермонтов не включил этот шедевр в свою единственную прижизненную книгу (хотя и опубликовал в 1839 году в «Одесском альманахе»; примерно такая же история с другим ранним стихотворением, куда менее совершенным, но не менее знаменитым — «Парус»). «Ангел» поражает и лаконизмом, и новым для русской поэзии, великолепно найденным ритмическим решением (четырёхстопный амфибрахий с парными рифмами; Лермонтов пользуется им еще в нескольких ранних стихотворениях), но главное — очень характерной, очень лермонтовской лирической мыслью:

Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез,

И звук его песни в душе молодой
Остался — без слов, но живой.

И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

Человек хранит в сознании «звуки» из какого-то иного бытия — и они порождают в нем «чудное желание», он ощущает себя изгнанником в мире. Ничего подобного нет у Пушкина: у него инобытие разлито в посюсторонней реальности и впитывается и постигается через нее. При этом (забегая вперед) эта устремленность к «иному» у Лермонтова не ведет к бесплотности, беспредметности. Нет, очень даже увлечен красками реального мира, он говорит о них с особой, напористой, завлекающей звучностью — Пушкин рядом с ним кажется сдержанным и строгим (если говорить о юношеских стихах, эта красочность и звучность впечатляют в «Русалке», которую Лермонтов в сборник включил); но среди этих контрастно-ярких красок и звуков Лермонтов тоскует и рвется прочь из мира — к загадочному источнику таинственной музыки.

Но вернемся к юношеским стихам. Есть еще одно удивительное стихотворение — «Молитва», написанное в 1829 году, в пятнадцать лет, в котором есть такие строки:

...Мир земной мне тесен,
К тебе ж проникнуть я боюсь,
И часто звуком грешных песен
Я, Боже, не тебе молюсь.

Читая их, не удивляешься тому, что к тому же году относятся первые наброски поэмы «Демон». Впрочем, не только ее. С 1828 года Лермонтов одну за другой пишет поэмы — «Черкесы», «Кавказский пленник» (ремейк пушкинской поэмы), «Корсар», «Преступник» и так далее — в общей сложности более дюжины. Действие части из них происходит на так впечатлившем юного Лермонтова Кавказе (как будто он предвидел ту роль, которую сыграет этот край в его биографии) — в том числе огромной поэмы «Измаил-Бей» (1832). Во всех присутствует мелодраматический сюжет — связанный обычно с любовным соперничеством и повторяющийся от поэмы к поэме. Война Российской империи с горцами (в которой Лермонтову предстояло принять участие) описана в нейтральных тонах — Лермонтова вдохновляет доблесть обеих сторон.

После поступления в юнкерское училище Лермонтов очень изменился. Из робкого, неуверенного в себе студента он стал отчаянным бретером, разудалым участником немудреных юнкерских забав. Изменяется и его творчество. На четыре года он перестает писать лирику, но продолжает работать над поэмами

(одну из них, «Хаджи-Абрек», даже публикуют без имени и помимо воли автора), создает все новые редакции «Демона», пробует себя в прозе (незаконченная повесть «Вадим» из времен пугачевского бунта), наконец, пишет стихи и поэмы на темы юнкерской жизни — юмористические и обычно скабрзные.

Период службы в Лейб-гусарском полку более плодотворен. В это время создана «нравственная поэма» «Сашка», написанная как ответ на скандальную поэму Полежаева, ставшую началом его несчастий, но не в пример более глубокая и изощренная, но, увы, незаконченная; фрагментами ее Лермонтов воспользовался позднее в стихотворении «Памяти Одоевского». И, наконец, в 1835 году рождается «Маскарад» — странная драма, написанная, как «Горе от ума» Грибоедова, разностопным ямбом (даже прототипы некоторых персонажей у Грибоедова и Лермонтова общие). Но вместо сатиры у Лермонтова — сложная и трагически заканчивающаяся интрига, за которой стоит демоническая фигура Неизвестного. Мир профессиональных картежных игроков и светских любовных увлечений предстает загадочным и зловещим карнавалом. С «Маскарада» (если не считать «Ангела») начинается подлинно великий Лермонтов. Но пьеса не была одобрена театральной цензурой, в том числе ее более слабый, искалеченный вариант («Арбенин»).

Заметим, что «Маскарад» был не первым опытом Лермонтова в драматургии. В 1830–31 годы он написал объемистую драму в стихах «Испанцы» (про преследование евреев инквизицией) и две наивные психологические драмы в прозе, посвященные все тем же гиперболизированным юношеским переживаниям — «Menschen und Leidenschaften» и «Странный человек». Их никогда не ставят; были постановки пьесы «Два брата» (1836), сюжет которой (как и неоконченной повести «Княгиня Лиговская») можно воспринимать как пролог «Героя нашего времени» — впрочем, еще отдающий мелодрамой.

В 1836 году Лермонтов возвращается к лирике, начиная с вольных переложений Байрона («Умиряющий гладиатор», «Еврейская мелодия»). Однако в начале следующего года его жизнь резко меняется. Под впечатлением от известий о гибели Пушкина Лермонтов пишет стихотворение «Смерть поэта», которое его приятель Святослав Раевский (не имевший никакого отношения к генералу Раевскому и его семье) распространял его в списках. Это очень знаменитое стихотворение (не лучшее у Лермонтова и не лучшее из написанных на смерть Пушкина) привлекает ныне прежде всего искренностью чувства и тем особым звучанием, которым Лермонтову удалось оживить даже, казалось бы, безнадежно-риторические строки:

Отравлены его последние мгновенья
Коварным шепотом насмешливых невежд,
И умер он — с напрасной жаждой мщенья,
С досадой тайною обманутых надежд.

Так или иначе, стихотворение, в котором в гибели Пушкина обвинялись «жадной толпой стоящие у трона» интриганы-нужвориси, было сочтено дерзким. 20 февраля Лермонтов был арестован. Через пять дней он был по решению Николая I переведен тем же чином в Нижегородский драгунский полк — на Кавказ, а Раевский отправлен на службу в Петрозаводск. На Кавказе Лермонтов, благодаря хлопотам бабушки, провел лишь полгода, участия в боевых действиях так и не принял, но побывал в Дагестане, Грузии, Азербайджане, Чечне, в Кисловодске и Пятигорске — что дало ему огромный литературный материал. В октябре 1837 года он был определен в Гродненский гусарский полк, квартировавший под Новгородом, добрался туда к февралю 1838 года, а уже в апреле был возвращен в Лейб-гвардии гусарский полк и переехал в Петербург.

К моменту возвращения в столицу Лермонтов уже был сложившимся и известным поэтом. Напечатать в течение 1837 года ему удалось только «Бородино», которое школьники полтора столетия учат как звучное стихотворение о победной битве (на самом деле это стихи о бессмысленности победы). И «Боро-

дино», и написанный во время пребывания под арестом за «Смерть поэта» «Узник» — переделки (принципиально меняющие и несравнимо улучшающие текст) ранних стихов. Но другие шедевры этого года — «Когда волнуется желтеющая нива...», «Молитва» («Я, мать Божия, ныне с молитвою...»), «Спеша на север издалека...» (стихотворение, написанное по пути с Кавказа) уже не имеют прообраза в прошлом. Этим же годом датируется поэма «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Ее сюжет, модернизирующий историю, тоже, видимо, косвенно связан с пушкинской дуэлью. Купец убивает опричника, оскорбившего и скомпрометировавшего его жену, в кулачном бою. В костюмы XVI века одеты современники Лермонтова, но исключительно тонко имитированный былинный стих и слог, мастерство рассказчика и интонация делают историю убедительной. В 1838 году Лермонтов публикует еще одну поэму — «Тамбовская казначейша», с бытовым и «анекдотическим» сюжетом. Она куда менее знаменита.

В 1838–1840 годы Лермонтов живет в Петербурге, служит в Лейб-гусарском полку и ведет довольно бурную светскую и литературную жизнь. Он много печатается и под конец выпускает сборник стихотворений. Он входит в загадочный «кружок шестнадцати», в котором велись как будто и политические

разговоры. Почему-то он спокойно позволяет Варваре Лопухиной (женщине, которая была главной любовью его жизни) выйти замуж за другого человека; при этом он заводит светские интрижки, одна из которых (с княгиней Щербатовой) закончилась 18 февраля 1840 года дуэлью (сперва на шпагах, затем на пистолетах — с бескровным финалом) с бароном Эрнестом де Барантом, сыном французского посла. В результате 11 марта Лермонтов был арестован, а 13 апреля вновь сослан на Кавказ — в Тенгинский пехотный полк.

В петербургские два года Лермонтов написал некоторое количество лирических шедевров. Многие из них связаны с Кавказом — «Казачья колыбельная песня», «Дары Терека», «Памяти А. И. Одоевского» (поэта-декабриста, с которым Лермонтов в 1837 году на Кавказе познакомился и который спустя два года умер от малярии). Но главное, что создал в эти годы Лермонтов-поэт, — поэмы «Демон» и «Мцыри». Впрочем, «Демон», как мы уже упоминали, — плод многолетней работы. В 1838 году Лермонтов создает шестую редакцию поэмы, которую считает уже окончательной. От ранних редакций в ней остался сюжет и отдельные строки. Действие из какого-то абстрактного пространства перенесено в Грузию. Но уже поставив точку, Лермонтов продолжает дописывать и переписывать поэму. В начале 1839 года

он получает предложение прочитать «Демона» императрице и великой княгине Марии Николаевне (впоследствии копия поэмы была изготовлена и для цесаревича, будущего Александра II), и это становится толчком к последней переработке поэмы. Правда, цензурным разрешением на публикацию поэт не воспользовался, видимо, собираясь и дальше совершенствовать текст (а потом оно было отозвано до 1860 года). Только в последнем варианте любовь темного духа-изгнанника к смертной девушке получает объяснение. Тамара принадлежит к особым, избранным людям.

Ее душа была из тех,
Которых жизнь — одно мгновенье
Невыносимого мученья,
Недостигаемых утех:
Творец из лучшего эфира
Соткал живые струны их,
Они не созданы для мира,
И мир был создан не для них!

Попытка Демона, овладев душой Тамары, обрести мир и преодолеть свое одиночество обречена — ибо все его желания в конечном счете эгоистичны, это желания обладания и власти (так же, как в «Маскараде», страстная и властная любовь к Нине не может вернуть на путь «добродетели»

игрока Арбенина — она лишь толкает его на преступление). Но одиночество мятежного духа мощно и величественно:

Что люди? что их жизнь и труд?
Они прошли, они пройдут..
Надежда есть — ждет правый суд:
Простить он может, хоть осудит!
Моя ж печаль бессменно тут,
И ей конца, как мне, не будет;
И не вздремнута в могиле ей!
Она то ластится, как змей,
То жжет и плещет, будто пламень,
То давит мысль мою, как камень —
Надежд погибших и страстей
Несокрушимый мавзолей!..

Если в «Демоне» главные мотивы — устремление прочь из мира, одиночество, разочарование, то поэма «Мцыри» (1839) пронизана неразделенной влюбленностью в земное бытие. Лермонтов использует и просодическое решение («английский» ямб с парной мужской рифмовкой), и отдельные строки и фрагменты из ранних поэм «Исповедь» и «Боярин Орша» — ко всему своему творчеству до 1836–37 годов он относится как к черновику, из которого не жаль черпать. Но сюжет нов и основан как будто на рассказе грузинского монаха (который в реальности въжил после побега и примирился со своею

тюрьмой). Лермонтов преобразовал его — и получился рассказ о человеке, за три дня ощутившем все главное в жизни: слияние с природой, влюбленность, битву с врагом — и умирающим в итоге. Подлинная же цель — возвращение на родину — оказывается недостижимой.

Ты хочешь знать, что видел я
На воле? — Пышные поля,
Холмы, покрытые венцом
Дерев, разросшихся кругом,
Шумящих свежеею толпой,
Как братья в пляске круговой.
Я видел груды темных скал,
Когда поток их разделял,
И думы их я угадал:
Мне было свыше то дано!
Простерты в воздухе давно
Объятая каменные их,
И жаждут встречи каждый миг;
Но дни бегут, бегут года —
Им не сойтиться никогда!

Вся напряженность и сила романтизма здесь достигает своего апогея. Дальше (после Лермонтова) началось увядание.

В эти же годы Лермонтов работает над «Героем нашего времени», знаменитым романом, состоящим из пяти новелл. Здесь не место подробно говорить

о нем. Скажем лишь одно: Георгий Александрович Печорин — это Лермонтов, из которого вычтена поэзия. Ни «демонического» устремления в иные миры, ни зачарованности миром земным; остается только презрение к миру. Романтическая разочарованность в моде, байронизм проник в массовую культуру, поэтому Печорин, с его холодноватой харизмой — всеобщий любимец. Но это не приносит ему счастья. В одной из новелл, «Княжна Мэри», Лермонтов очень выразительно изобразил публику Кавказских минеральных вод, с которой общался в 1837 году. Возможно, именно это стоило ему жизни.

Но пока что — после новой ссылки — у Лермонтова было 15 месяцев жизни. Прибыв на Кавказ, он сразу же — не в пример 1837 году — был направлен в боевые части и непрерывно участвовал в боях и отличился в них. Летом он был награжден орденом Святого Станислава 3-й степени; с октября командовал отдельным казачьим отрядом. В конце ноября он по ходатайству бабушки получил отпуск и выехал в Петербург, куда прибыл в начале февраля 1841 года и где провел неполных три месяца.

В это время происходит высший расцвет лермонтовского лирического гения. К эпосу он больше почти не обращается. Поэма «Сказка для детей» (попытка перенести сюжет «Демона» в Петербург и превратить в подобие гофманианы) осталась незаконченной. Зато

все огромные возможности, которые были скрыты в лермонтовской лирике, проявились в полной мере и во всей своей контрастности. Почти каждое из знаменитых стихотворений, датируемых 1840–41 годами (а их не так много — и четырех десятков не наберется вместе с отрывками и стихами на случай), принадлежит «золотому фонду» русской лирики.

Каков же Лермонтов на пороге этого предсмертного расцвета? С одной стороны — гордая тоска, суровые упреки, обращенные к Богу («Благодарность») и печоринская хандра:

Любить... но кого же?.. на время — не стоит труда,
А вечно любить невозможно.
В себя ли заглянешь? — там прошлого нет и следа:
И радость, и муки, и все там ничтожно...

С другой стороны — внутреннее потрясение таинственными «звуками» и готовность безоглядно устремиться вслед за ними:

Не встретит ответа
Средь шума мирского
Из пламя и света
Рожденное слово;

Но в храме, средь боя
И где я ни буду,
Услышав, его я
Узнаю повсюду.

Не кончив молитвы,
На звук тот отвечу,
И брошусь из битвы
Ему я навстречу.

В контексте поэтики и мировосприятия Лермонтова, возможно, следует читать и его стихи, посвященные кавказским завоевательным походам России. 11 июля 1840 года Лермонтов участвовал (и отличился) в кровопролитном сражении при Валерике и по свежим следам написал стихи. Лирическое вступление переходит в блестящее и подчеркнуто остранинное, холодное описание резни. Дальше — такие строки:

...И с грустью тайной и сердечной
Я думал: «Жалкий человек.
Чего он хочет!.. Небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?»

Человек «враждует», потому что оторван от природной гармонии, а оторван он от нее потому, что всегда смущен зовами из других миров — светлыми или демоническими, ему не различить. Так же можно прочитать и главное «имперское» лермонтовское стихотворение — блестящий «Спор» (1841). «Дряхлый Восток» сливается с природой и описывается как ее часть:

Посмотри: в тени чинары
Пену сладких вин
На узорные шальвары
Сонный льет грузин;
И склонясь в дыму кальяна
На цветной диван,
У жемчужного фонтана
Дремлет Тегеран.
Вот у ног Ерусалима,
Богом сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна;
Дальше, вечно чуждый тени,
Моет желтый Нил
Раскаленные ступени
Царственных могил.
Бедуин забыл наезды
Для цветных шатров
И поет, считая звезды,
Про дела отцов...

Воинственный «Север» вносит в эту усталую гармонию человеческие страсти — но на чьей стороне сам автор? Мы не знаем этого. Лермонтовское «имперство» гораздо конкретней пушкинского, он, как впоследствии в Англии Киплинг, дает голос людям, непосредственно участвующим в имперских походах и платящим за них жизнью («Казачья колыбельная песня», «Завещание»). Но вспомним «Родину», тоже

написанную в 1841 году. «Слава, купленная кровью» и «полный гордого величия покой» оставляют поэта равнодушным. Его любовь к России — это привязанность к самым интимным, приватным, глубинным сторонам русской жизни:

Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень.
Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз,
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.

Начало 1841 года, месяцы, проведенные в пути и в Петербурге, были особенно плодотворны. В это время рождается «Тамара» — русский эквивалент «Лорелеи», магическое стихотворение, которое не убивает даже хрестоматийность.

Лишь Терек в теснине Дарьяла,
Гремя, нарушал тишину,
Волна на волну набегала,
Волна погоняла волну.

И с плачем безгласное тело
Спешили они унести.
В окне тогда что-то белело,
Звучало оттуда: прости.

В эти месяцы написано «Выхожу один я на дорогу» — стихотворение, настолько совершенное в своей последней прозрачности, что его трудно комментировать — хотя в нем, несомненно, заключена загадка (что означает этот вечный музыкальный сон, который поэт предпочитает жизни и смерти?). Написано «Свидание», проникнутое экзотикой и обаянием Грузии. Странная, на грани гротеска «Любовь мертвеца». «Морская царевна», в которой традиционный балладный мотив (так красиво в свое время обыгранный в «Русалке») выворачивается наизнанку и предстает мрачным, уродливым. И рядом — нежный, почти сентиментальный «Листок». Еще в 1840 году Лермонтов переводит «Воздушный корабль» Цедлица и создает волшебную вариацию на тему «Ночной песни странника» Гете — «Горные вершины...». В 1841 году он перекладывает (тоже вольно) Гейне — поэта, который постепенно становится таким же важным и влиятельным для русской поэзии, как ранее Байрон. Эти переложения («На севере диком...», «Ночевала тучка золотая...», «Они любили друг друга так долго и нежно...») тоже стали классическими.

Творчество Лермонтова в последние месяцы жизни очень богато и многообразно. Но стихотворение, которое, возможно, читаешь с особым волнением, — это «Сон». В этом стихотворении мир жизни и мир

смерти зеркальны. «Холодный сон могилы», оказывается, тоже предусматривает сновидения, и мертвец (или умирающий?) видит во сне женщину, которой «снится» он. Сам же мир смерти — это Кавказ; но он предстает здесь не в цветущем величии своем, а кажется выжженной «азиатской» пустыней:

Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснились кругом,
И солнце жгло их желтые вершины
И жгло меня — но спал я мертвым сном.

Предчувствие смерти на Кавказе не обманывало поэта, но про обстоятельства ее он не догадывался.

В конце апреля Лермонтов имел неосторожность появиться в Петербурге на балу, где присутствовали члены императорской фамилии. Для опального офицера это было нарушением этикета. 25 апреля ему велено было выехать в полк. Ехал Лермонтов, не торопясь: служба ему явно наскучила. По дороге он останавливался в воронежском имении знакомого офицера, а прибыв в полк, квартировавший в Ставрополе, немедленно достал справку, согласно которой он нуждается в лечении минеральными водами. 14 мая он приезжает в Пятигорск, где снимает комнату вместе со своим родственником и близким другом Алексеем Стольпиным (прозвище Монго). В Пятигорске Лермонтов явно стремился задер-

жаться подольше — тем более, что здесь собрались многие члены «кружка шестнадцати», при разных обстоятельствах попавшие на Кавказ.

И вот 13 (25) июля по возвращении с бала у знакомых Лермонтова Верзилиных состоялось его резкое объяснение с одним из старых приятелей, майором Николаем Соломоновичем Мартыновым. Человек, по всем отзывам, обидчивый и самовлюбленный, склонный к позерству, носивший кавказскую одежду и «утрировавший вкусы горцев», Мартынов был частой и легкой мишенью для лермонтовской язвительности. Если верить показаниям самого Мартынова, именно лермонтовские шутки «при дамах» послужили поводом для упреков и угроз Мартынова и, в конечном итоге, для дуэли.

Есть и другие версии. Черты Мартынова были приданы в «Герое нашего времени» Грушницкому. Этот персонаж дерется на дуэли с Печориным, при этом уличается им в бесчестье, в нарушении правил поединка — и, опозоренный, гибнет. Был ли вызов Мартынова своего рода мстью персонажа автору? Есть версия и о том, что в деле как-то замешана сестра Мартынова Наталья. Наконец, не забудем: Николай Мартынов был стихотворцем; талант его был скромен, но и не равен нулю, и при других обстоятельствах его стихи, быть может, заняли бы место, скажем, в томе Библиотеки Поэта «Поэты 1830–40-х

годов» — как характерный пример «поэзии лермонтовского круга». Возможно, им двигала литературная зависть?

Дальше — слово секунданту Лермонтова, князю А.И. Васильчикову:

«...Мы считали эту ссору столь ничтожною и мелочною, что до последней минуты уверены были, что она кончится примирением. Тем не менее все мы, и в особенности М. П. Глебов (секундант Маргынова. — В. III.), который соединял с отважною храбростью самое любезное и сердечное добродушие и пользовался равным уважением и дружбою обоих противников, все мы, говорю, истощили в течение трех дней наши миролюбивые усилия без всякого успеха <..>; трехдневная отсрочка не послужила ни к чему, и 15 июля часов в шесть-семь вечера мы поехали на роковую встречу; но и тут в последнюю минуту мы, и я думаю, сам Лермонтов, были убеждены, что дуэль кончится пустыми выстрелами и что, обменявшись для соблюдения чести двумя пулями, противники подадут себе руки и поедут... ужинать.

Когда мы выехали на гору Машук и выбрали место по тропинке, ведущей в колонию (имени не помню), темная, громовая туча поднималась из-за соседней горы Бештау.

Мы отмерили с Глебовым тридцать шагов; последний барьер поставили на десяти и, разведя про-

тивников на крайние дистанции, положили им сходить каждому на десять шагов по команде “марш”. Зарядили пистолеты. Глебов подал один Мартынову, а другой Лермонтову и скомаандовали: “Сходись!” Лермонтов остался неподвижен и, взведя курок, поднял пистолет дулом вверх, заслоняясь рукой и локтем по всем правилам опытного дуэлиста. В эту минуту, и в последний раз, я взглянул на него и никогда не забуду того спокойного, почти веселого выражения, которое играло на лице поэта перед дулом пистолета, уже направленного на него. Мартынов быстрыми шагами подошел к барьеру и выстрелил. Лермонтов упал, как будто его скосило на месте, не сделав движения ни назад, ни вперед, не успев даже захватить большое место, как это обыкновенно делают люди раненые или ушибленные».

Кроме Васильчикова и Глебова на дуэли присутствовали «вторые секунданты» — Столыпин со стороны Лермонтова и князь Трубецкой со стороны Мартынова. Лермонтов был еще жив; трудно сказать, можно ли было его спасти, — но из-за начавшейся грозы все врачи, к которым поскакали секунданты, отказались ехать к месту дуэли. Через полчаса поэта не стало. 17 (29) июля он был похоронен на Пятигорском городском кладбище без церковных обрядов, как дуэлянт. Год спустя его прах был перенесен в Тарханы.

Николай I при известии о смерти Лермонтова отреагировал очень грубо («собаке — собачья смерть»), но затем под влиянием симпатизировавшей Лермонтову великой княжны Марии Николаевны высказал подобающие слова скорби. Неопубликованные при жизни стихи Лермонтова заполняли журналы в 1842—43 годы. В 1847-м вышла первая посмертная книга — и многократно переиздавалась. В 1860-м появилось сравнительно полное собрание сочинений. К тому времени Лермонтов уже считался классиком — на памятнике «Тысячелетие России» он был изображен в числе величайших людей страны.

Так началась история лермонтовской славы и легенды, продолжающаяся до сих пор.

Поэты XX века не раз обращались к образу Лермонтова. Вспомним в завершение нашего разговора два стихотворения. Первое — «Памяти Демона» (1917) Пастернака.

Приходил по ночам
В синеве ледника от Тамары.
Парой крыл намечал,
Где гудеть, где кончаться кошмару.

Не рыдал, не сплетал
Оголенных, исхлестанных, в шрамах.
Уцелела плита
За оградой грузинского храма...

Здесь идет речь о первой, пятигорской могиле Лермонтова.

Второе стихотворение, Георгия Иванова, написано тридцатью годами позже. Его мы приведем полностью:

Мелодия становится цветом,
Он распускается и осыпается,
Он делается ветром и песком,
Летящим на огонь весенним мотыльком,
Ветвями ивы в воду опускается...

Проходит тысяча мгновенных лет,
И перевоплощается мелодия
В тяжелый взгляд, в сиянье эполет,
В рейтузы, в ментик, в «Ваше благородие»,
В корнета гвардии — о, почему бы нет?..

Туман... Тамань... Пустыня внемлет Богу.
— Как далеко до завтрашнего дня!..
И Лермонтов один выходит на дорогу,
Серебряными шпорами звеня.

Валерий Шубинский

Стихотворения

1828

ЦЕВНИЦА

На склоне гор, близ вод, прохожий, зрел ли ты
Беседку тайную, где грустные мечты
Сидят задумавшись? Над ними свод акаций:
Там некогда стоял алтарь и муз и граций,
И куст прелестных роз, взлелеянных весной,
Там некогда, кругом черемухи млечной
Струя свой аромат, шумя, с прибрежной ивой
Шутил подчас зефир и резвый и игривый.
Там некогда моя последняя любовь
Питала сердце мне и волновала кровь!..
Сокрылось всё теперь: так поутру туманы
От солнечных лучей редуют средь поляны.
Исчезло всё теперь; но ты осталось мне,
Утеха страждущих, спасенье в тишине,
О милое, души святое воспоминанье!

Тебе ж, о мирный кров, тех дней, когда страданье
Не ведало меня, я сохранил залог,
Который умертвить не может грозный рок,
Мое веселие, уж взятое гробницей,
И ржавый предков меч с задумчивой цевницей!¹

¹ Здесь и далее синтаксис приближен к авторскому (сост.).

ПОЭТ

Когда Рафаэль вдохновенный
Пречистой девы лик священный
Живою кистью окончал,
Своим искусством восхищенный,
Он пред картиною упал!
Но скоро сей порыв чудесный
Слабел в груди его молодой,
И утомленный и немой
Он забывал огонь небесный.

Таков поэт: чуть мысль блеснет,
Как он пером своим прольет
Всю душу; звуком громкой лиры
Чарует свет, и в тишине
Поет, забывшись в райском сне,
Вас, вас! души его кумиры!
И вдруг хладеет жар ланит,
Его сердечные волненья
Всё тише, и призра́к бежит!
Но долго, долго ум хранит
Первоначальны впечатленья.

1829

К Д...ВУ

Я пробегал страны России,
Как бедный странник меж людей,
Везде шипят коварства змии:
Я думал: в свете нет друзей! —
Нет дружбы нежно-постоянной,
И бескорыстной, и простой;
Но ты явился, гость незванный,
И вновь мне возвратил покой!
С тобою чувствами сливаюсь,
В речах веселых счастье пью;
Но дев коварных не терплю, —
И больше им не доверяюсь!..

ПОСВЯЩЕНИЕ N. N.

Вот, друг, плоды моей небрежной музыки.
Оттенок чувств тебе несу я в дар.
Хоть ты презрел священной дружбы узы,
Хоть ты души моей отринул жар...
Я знаю всё: ты ветрен, безрассуден,
И ложный друг уж в сеть тебя завлек;
Но вспоминай, что путь ко счастью труден
От той страны, где царствует порок!..
Готов на всё для твоего спасенья!
Я так клялся и к гибели летел;
Но ты молчал и, полный подозренья,
Словам моим поверить не хотел...
Но час придет, своим печальным взором
Ты всё прочтешь в немой душе моей;
Тогда — беги, не трать пустых речей, —
Ты осужден последним приговором!..

РУССКАЯ МЕЛОДИЯ

1

В уме своем я создал мир иной
И образов иных существованье;
Я цепью их связал между собой,
Я дал им вид, но не дал им названья;
Вдруг зимних бурь раздался грозный вой, —
И рушилось неверное созданье!..

2

Так перед праздною толпой
И с балалайкою народной
Сидит в тени певец простой
И бескорыстный и свободный!..

3

Он громкий звук внезапно раздает,
В честь девы, милой сердцу и прекрасной —
И звук внезапно струны оборвет,
И слышится начало песни! — но напрасно! —
Никто конца ее не допоет!..

К.....

Не привлекай меня красой!
Мой дух погас и состарелся.
Ах! много лет как взгляд другой
В уме моем напечатлелся!..
Я для него забыл весь мир,
Для сей минуты незабвенной;
Но я теперь как нищий сир,
Брожу один как отчужденный!
Так путник в темноте ночной,
Когда узрит огонь блудящий,
Бежит за ним... схватил рукой..
И — пропасть под ногой скользящей!..

К Г...НОВУ

Скажу, любезный мой приятель,
Ты для меня такой смешной,
Ты муз прилежный обожатель,
Им даже жертвуешь собой!..
Напрасно, милый друг! коварных
К себе не приманишь никак;
Ведь музы женщины — и так:
Кто ж видел женщин благодарных?..

НАПОЛЕОН

Где бьет волна о брег высокой,
Где дикий памятник небрежно положен,
В сырой земле и в яме неглубокой —
Там спит герой, друзья! — Наполеон!..
Вещают так и камень одинокой,
И дуб возвышенный, и волн
прибрежных стон!

Но вот полночь свинцовый свой покров
По сводам неба распустила,
И влагу дремлющих валов
С могилой тихою Диана осребрила.
Над ней сюда пришел мечтать
Певец возвышенный, но юный;
Воспоминания стараясь пробуждать,
Он арфу взял, запел, ударил в струны..

«Не ты ли, островок уединенный,
Свидетелем был чистых дней
Героя дивного? Не здесь ли звук мечей
Гремел, носился глас его священный?»

Нет! рок хотел отсюда удалить
И честолюбие, и кровь, и гул военный;
 А твой удел благословенный:
Принять изгнанника и прах его хранить!

 Зачем он так за славою гонялся?
 Для чести счастье презирал?
 С невинными народами сражался?
И скипетром стальным короны разбивал?
 Зачем шутил граждан спокойных кровью,
 Презрел и дружбой и любовью
 И пред творцом не трепетал?..

Ему, погибельно войною принужденный,
 Почти весь свет кричал: ура!
 При визге бурного ядра
Уже он был готов — но... воин дерзновенный!..
 Творец смешал неколебимый ум,
 Ты побежден московскими стенами...
 Бежал!.. и скрыл за дальними морями
Следы печальные твоих высоких дум.

.....

 Огнем снедаем угрызений,
 Ты здесь безвременно погас.
Покоен ты; и в тихий утра час,
Как над тобой порхнет зефир весенний,

Безвестный гость, дубравный соловей,
Порою издает томительные звуки,
В них слышны: слава прежних дней,
И голос нег, и голос муки!..

Когда уже едва свет дневный отражен
Кристалльною играющей волною
И гаснет день: усталою стопою
Идет рыбак брегов на тихий склон,
Несведущий, безмолвно попирает,
Таща изорванную сеть,
Ту землю, где твой прах забытый истлевает,
Не перестав простую песню петь...»

.....
Вдруг!.. ветерок... луна за тучи забежала...
Умолк певец. Струится в жилах хлад;
Он тайным ужасом объят...
И струны лопнули... и тень ему предстала:
«Умолкни, о певец! — спеши отсюда прочь,
С хвалой иль язвою упрека:
Мне всё равно; в могиле вечно ночь.
Там нет ни почестей, ни счастья, ни рока!
Пускай историю страстей
И дел моих хранят далекие потомки:
Я презрю песнопенья громки;
Я выше и похвал, и славы, и людей!..»

ЖАЛОБЫ ТУРКА

(Письмо к другу, иностранцу)

Ты знал ли дикий край, под знойными лучами,
Где рощи и луга поблекшие цветут?
Где хитрость и беспечность злобе дань несут?
Где сердце жителей волнуемо страстями? —
 И где являются порой
Умы и хладные и твердые как камень?
Но мощь их давится безвременной тоской,
И рано гаснет в них добра спокойный пламень.
Там рано жизнь тяжка бывает для людей,
Там за утехами несется укоризна,
Там стонет человек от рабства и цепей!..
 Друг! этот край... моя отчизна!

P.S. Ах, если ты меня поймешь,
Прости свободные намеки;
Пусть истину скрывает ложь:
Что ж делать? — все мы человеки!..

ЧЕРКЕШЕНКА

Я видел вас: холмы и нивы,
Разнообразных гор кусты,
Природы дикой красоты,
Степей глухих народ счастливый,
И нравы тихой простоты!

Но там, где Терек протекает,
Черкешенку я увидал, —
Взор девы сердце приковал;
И мысль невольно улетает
Бродить средь милых, дальних скал...

Так дух раскаяния, звуки
Послышав райские, летит
Узреть еще небесный вид;
Так стон любви, страстей и муки
До гроба в памяти звучит.

МОЙ ДЕМОН

Собранье зол его стихия.
Носясь меж дымных облаков,
Он любит бури роковые,
И пену рек, и шум дубров.
Меж листьев желтых, облетевших,
Стоит его недвижимый трон;
На нем, средь ветров онемевших,
Сидит уныл и мрачен он.
Он недоверчивость вселяет,
Он презрел чистую любовь,
Он все моления отвергает,
Он равнодушно видит кровь,
И звук высоких ощущений
Он давит голосом страстей,
И муза кратких вдохновений
Страшится неземных очей.

К ДРУГУ

Взлелеянный на лоне вдохновенья,
С деятельной и пылкою душой,
Я не пленен небесной красотой;
Но я ишу земного упоенья.
Любовь пройдет, как тень пустого сна. —
Не буду я счастливым близ прекрасной;
Но ты меня не спрашивай напрасно:
Ты, друг, узнать не должен, кто она.
Навек мы с ней разлучены судьбою,
Я победить жестокость не умел.
Но я ношу отказ и месть с собою,
Но я в любви моей закоренел.
Так вор седой заглохшия дубравы
Не кается еще в своих грехах:
Еще он путников, соседей страх,
И мил ему товарищ, нож кровавый!..
Стремится медленно толпа людей,
До гроба самого от самой колыбели,
Игралищем и рока и страстей,
К одной, святой, неизъяснимой цели.

И я к высокому в порыве дум живых,
И я душой летел во дни былые;
Но мне милей страдания земные:
Я к ним привык и не оставляю их...

МОНОЛОГ

Поверь, ничтожество есть благо в здешнем
свете.

К чему глубокие познания, жажда славы,
Талант и пылкая любовь свободы,
Когда мы их употребить не можем.
Мы, дети севера, как здешние растенья,
Цветем недолго, быстро увядаем...
Как солнце зимнее на сером небосклоне,
Так пасмурна жизнь наша. Так недолго
Ее однообразное течение...
И душно кажется на родине,
И сердцу тяжело, и душа тоскует...
Не зная ни любви, ни дружбы сладкой,
Средь бурь пустых томится юность наша,
И быстро злобы яд ее мрачит,
И нам горька остывшей жизни чаша;
И уж ничто души не веселит.

МОЛИТВА

Не обвиняй меня, всемогущий,
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могильный
С ее страстями я люблю;
За то, что редко в душу входит
Живых речей Твоих струя,
За то, что в заблужденье бродит
Мой ум далеко от Тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочет на груди моей;
За то, что дикие волненья
Мрачат стекло моих очей;
За то, что мир земной мне тесен,
К Тебе ж проникнуть я боюсь
И часто звуком грешных песен
Я, Боже, не Тебе молюсь.

Но угаси сей чудный пламень,
Всесожигающий костер,
Преобрати мне сердце в камень,
Останови голодный взор;

От страшной жажды пенопья
Пускай, Творец, освобожусь,
Тогда на тесный путь спасенья
К Тебе я снова обращаюсь.

1830

КАВКАЗ

Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.

В младенческих летах я мать потерял.
Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятный глас.
За это люблю я вершины тех скал,
Люблю я Кавказ.

Я счастлив был с вами, ущелия гор,
Пять лет пронеслось: всё тоскою по вас.
Там видел я пару божественных глаз;
И сердце лепечет, вспомя тот взор:
Люблю я Кавказ!..

К ***

Не говори: одним высоким
Я на земле воспламенен,
К нему лишь с чувством я глубоким
Бужу забытой лиры звон;
Поверь: великое-земное
Различно с мыслями людей.
Сверши с успехом дело злое —
Велик; не удалось — злодей;
Среди дружин необозримых
Был чуть не бог Наполеон;
Разбитый же в снегах родимых,
Безумцем порицаем он;
Внимая шум воды прибрежной,
В изгнанье дальном он погас —
И что ж? — конец его мятежный
Не отуманил наших глаз!..